

The poster is a vertical composition. The upper half features a close-up of a man in a military flight helmet and goggles, looking off to the side with a serious expression. Behind him, the nose and propeller of a biplane are visible against a cloudy sky with several birds in flight. A red star is partially visible on the right. The lower half shows a young man with light brown hair, seen from the back and side, looking out over a dense, green forest. He is wearing a blue jacket and a large, olive-green backpack. The title is centered between the two images.

ЛИЛИЯ КАНДЫБОВИЧ

КООРДИНАТЫ
"Вернусь"

КОГДА ПРОШЛОЕ ОСТАВЛЯЕТ
ТОЧКУ НА КАРТЕ

Лилия Кандыбович

**Координаты «Вернись». Когда
прошлое оставляет точку на карте**

«РИПОЛ Классик»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Кандыбович Л. В.

Координаты «Вернись». Когда прошлое оставляет точку на карте /
Л. В. Кандыбович — «РИПОЛ Классик», 2026

ISBN 978-5-386-15618-3

История начинается знакомо: скучный урок и спрятанный телефон под партой. Но сюжет стремительно превращается в острый личный квест, где память перестаёт быть пустым словом. Случайно найденная на чердаке шкатулка меняет всё. Прошлое врывается в сознание Максима оглушительным рёвом падающего штурмовика Ил–2, запахом пороха и чужим предсмертным шёпотом: «Найди меня...» С этого момента его начинают посещать яркие, почти реальные видения: он чувствует холод окопов, страх и отвагу молодого бойца – своего прадеда Андрея. Будет ли восстановлена нить памяти, порванная почти восемьдесят лет назад? Повесть для детей среднего и старшего школьного возраста, семейного чтения.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-386-15618-3

© Кандыбович Л. В., 2026
© РИПОЛ Классик, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Лилия Кандыбович
Координаты «Вернись». Когда
прошлое оставляет точку на карте

© Кандыбович Л. В., 2026

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2026

Глава 1

Кости vs лайки

Воздух в классе был спёртым и густым, как кисель. Пылинки лениво танцевали в луче света, падавшем от окна прямо на учебник истории, открытый на странице с чёрно-белыми фотографиями военных лет. Максим откинулся на спинку стула и водил пальцем по экрану смартфона под партой. Очередной клик – и его губы расплылись в улыбке. В турнирной таблице любимой стрелялки он увидел своё имя среди лучших игроков. Голос учителя, Аркадия Семеновича, доносился до него, как далёкий монотонный гул, в котором тонули отдельные слова: «...подвиг...», «...ценою жизни...», «...долг памяти...».

– Максим, ты нас слышишь?

Голос прозвучал прямо над ухом. Максим вздрогнул. Ребята смотрели на него с насмешливым любопытством. Аркадий Семёнович стоял рядом, поглаживая густую, с проседью, бороду.

– Я спросил, что ты думаешь о значении партизанского движения в годы Великой Отечественной войны? Или твой телефон предлагает более захватывающую версию событий?

Все головы повернулись к нему. Максим заметил, как Виолетта ехидно скривила губы, и его щёки заполохали. Он ненавидел, когда его ловили врасплох.

– Я думаю, что оно было... важным, – буркнул он.

– Как оригинально, – сухо заметил учитель. – А что для тебя, Максим, значит слово «патриотизм» сегодня? Не из учебника, а твоё личное мнение.

Максим поморщился. Он терпеть не мог эти «личные мнения», когда ждут только одного – правильного, предсказуемого ответа.

– Ну... любить свою страну, – начал он нехотя.

– И как это проявляется сегодня? Ходить на парад 9 мая? Цеплять на машину георгиевскую ленточку? Репостить патриотичные картинки? – В голосе Аркадия Семёновича не было насмешки, был будничным вопрошающий тон, который раздражал ещё больше.

Позади кто-то нарочито громко зевнул. Знакомое чувство раздражения подкатило к горлу Максима.

– А что, разве нет? – Максим почувствовал, как жар поднимается к ушам. Голос сорвался громче, чем он хотел. – Ну да! Посмотрят парад по телеку, всплакнут, а через два дня... забудут. Ну и что? Ритуал.

С задней парты фыркнули.

– Точно, – голос Комарова, сквозь сдерживаемый смех. – Деменция, а не патриотизм.

– Да нет, это ритуал – ежегодный вызов духов предков в гимнастёрках...

В классе прокатился короткий, одобряющий гогот. Максим почувствовал прилив сил.

– Игнатов, ты идиот! – стул с визгом отъехал, и Аня вскочила, сжав кулаки, но не на Комарова, а прямо на Максима. – Тебя бы просто не было! Ни тебя, ни твоего папочки с его кредитами! Если бы не такие, как мой дед, который поднимался в атаку на колючку, вы бы сейчас немецкий в школе учили, а не в телефонах сидели! Это судьбы людей, а не даты в учебнике, это кровь!

– Что? – перебил Максим, уже наслаждаясь. – Судьбы? Ну-ну, расскажи.

– Да! Это судьбы людей. И те, кто жив, и те, кто не вернулся, они... они связаны и заслуживают уважения!

Максим насмешливо оглядел Соколову. Её трудно было не заметить, потому что она была одета не в безликую школьную форму, а в тёмно-зелёные грубые брюки, заправленные в высокие ботинки, и просторную рубашку защитного цвета. Высокая, худая, с резкими чертами

лица, прямыми выцветшими бровями и глазами неопределённого серо-зелёного цвета, в которых сейчас плясали искры гнева. Её лицо мелькало в школьных пабликах обычно где-нибудь на фото с субботников или с исторических квестов. Максиму она казалась инопланетянкой.

– А ты, Соколова, похоже, в партизаны собралась, – Виолетта закатила глаза и сложила губы хоботком.

– Да, собралась! – Аня выпрямилась, как струна, и сощурила глаза. – На «Вахту памяти»... без вести пропавших солдат поднимать.

– Эти дурацкие кости, эта вечная память... – Виолетта с напускным равнодушием закатила глаза. – Зачем это всё, если нельзя сфоткаться и получить лайки? Нет, это просто ненормально.

– Конечно, – приснул Кирилл, – ты туда не пойдёшь, потому что за кости лайки не ставят.

– Мой дед тоже где-то воевал, в Афгане, кажется, – скривилась она, – но он хотя бы квартиру в центре после этого получил, а не в земле валяется. Нормальные люди думают о будущем, а не копаются в грязи.

В классе повисла тишина, нарушаемая лишь покашливанием и скрипом стульев. Виолетта скучающе смотрела в окно и постукивала длинными разноцветными ногтями по парте.

– И что? – громко, на весь класс, произнес Максим. – Нашли кости. Похоронили. Ну и что изменилось? Мир стал лучше? Курс доллара упал? Вы, Соколова, прямо как секта. Ходите, ищите «сакральные знания», а по факту – навязываете всем чувство вины. Я никому ничего не должен. Тем более тем, кто умер до моего рождения. Это их выбор был – воевать, не мой.

Несколько ребят с задних парт фыркнули. Аня покраснела, но не смутилась.

– Изменилось то, что несколько солдат перестали быть без вести пропавшими, Максим, – холодно парировала она.

– Ага. Закопали кости с почестями. Патриотично. Только вот нафига это мне? Или им? – Максим мотнул головой в сторону класса.

– У одного из них, лейтенанта, внутри истлевшего кармана нашли письмо. Там было написано: «Дочка, я тебя очень люблю. Расти большой». Ему было двадцать два. У него выросла дочь и внуки. И некому было бы прийти на могилу, если бы не мы. – Она перевела дух. В классе стало очень тихо. – А ты говоришь – нафига. Вот для этого.

– Ну, не все же могут играть в копателей, как ты, Соколова.

– Это не игра! Это долг. Память. А вы все... – у Ани дрогнул голос, в нём впервые провалилась обида. Она обвела взглядом класс, – вы все просто... Сидите в своих соцсетях, как дохлые мухи в паутине, и думаете, что мир начался с вашего рождения.

– Ой, завела шарманку! – не унимался Максим, чувствуя поддержку одноклассников. – «Долг, память, предки». Может, ещё военные песни споём? У меня дед вон тоже о войне только и говорит, отец мой уже бесится. Прошлое надо отпускать, а не ковыряться в нём, как в помойке.

Аня смотрела на него с таким горьким недоумением, что ему на секунду стало не по себе. Но он лишь надвинул капюшон худи пониже на лоб.

– Ты просто ничего не понимаешь, Игнатов, – тихо сказала она. – И не хочешь понимать. Тебе страшно. Страшно узнать, что твой комфортный мирок построен на костях таких же, как ты, пацанов, которые не трусили. История – это не про даты в учебнике. Она про людей. Если мы их забудем, они умрут во второй раз.

Максим открыл рот, чтобы выдать очередную колкость, но осёкся. На него смотрели. Кирилл, который только что хлопал его по плечу, вдруг отвернулся и уставился в окно. Даже Виолетта перестала стучать ногтями. В этой тишине его «детка, не неси чушь» прозвучало жалко и глупо.

– ...Иди ты, – буркнул он в пустоту, пряча глаза.

«Пацаны, которые не струсил». Слова застряли в голове, как заноза. Он злился на Аню, на этот дурацкий класс, на себя. Потому что где-то очень глубоко шевельнулось мерзкое, липкое сомнение: *а струсил бы он сам?*

– Аня, Максим, достаточно, – строго вмешался Аркадий Семёнович, до этого спокойно наблюдавший за спором. – Тема важная и болезненная для многих. Давайте проявлять уважение.

– Вот и я говорю: картинки – это знак уважения! – хохотнул Комаров. – Я его проявляю.

– Знак уважения к чему? К истории или к традиции показать себя? – поинтересовался Аркадий Семёнович.

– Мне кажется, – не унималась Соколова, – что настоящая память должна длиться дольше, чем один день в году с парадом. Это не должно быть... обязаловкой.

Максим заметил, как на него с интересом смотрит Виолетта, и почувствовал азарт. Тем более учитель сам спровоцировал класс на спор.

– А что в этом плохого? – он выпрямился. – Людям нравится праздник. 9 мая – выходной день. А то, что это «обязаловка»... Ну, так у нас много что обязаловка. Уроки, например. Это не значит, что они не нужны.

Аркадий Семёнович внимательно посмотрел на него, потом медленно кивнул.

– Интересная позиция, Максим. Удобная. Сводит всё к формальностям. Ставить галочку «я почтил память» и жить дальше. Но это очень... поверхностный взгляд. Получается, жизнь – это рилсы в телефоне, лайкнул, смахнул и забыл.

– А что в этом плохого? – Максим пожал плечами. – Так жить проще.

– Проще – не значит правильное, – учитель развернулся и пошёл к доске.

Максим сел, чувствуя себя одновременно и победителем в споре, и негодяем. Слова Ани показали неприглядную изнанку его аргументов, с которыми он и сам не был до конца согласен. От этого стало ещё противнее.

Спасительный звонок разрезал напряжённую тишину. Все дружно, с грохотом парт, ринулись к выходу. Кирилл хлопнул Максима по плечу.

– Жёстко ты его, конечно. Но в точку. Задолбали уже с этим долгом.

Максим молча кивнул, сгребая учебники в рюкзак. Слова учителя, как заноза, засели глубоко внутри. «Поверхностный взгляд». «Неуважение».

Он вытолкнул себя в шумный коридор. Гул голосов, смех, толкотня – всё это накатило на него ватной, бессмысленной волной. Рука сама потянулась в карман, пальцы нащупали холодный корпус телефона. Привычный ритуал: разблокировать, свайпнуть вверх. Яркие квадраты историй, мемов, сторис замелькали перед глазами. Палец скользил по экрану, но взгляд цеплялся не за картинки, а за собственное бледное, размытое отражение в тёмном стекле. Он щёлкнул, чтобы погасить экран. В глазах на секунду остались цветные пятна, а в ушах, сквозь школьный гам, – монотонное эхо: «Поверхностный. Поверхностный».

Весь день он ходил по дому, натыкаясь на дверные косяки. Рука раз за разом тянулась к телефону, чтобы написать Ане какую-то язвительность, но пальцы замирали над клавиатурой. Вместо слов в голове крутилась одна и та же заезженная пластинка: её фраза, его возражение, её пауза, полная презрения. Он громко хлопнул дверью холодильника, хотя ничего оттуда не брал.

Дед Борис оторвался от телевизора.

– Ты чего такой громкий сегодня? Иди посмотри, репетицию парада показывают.

– Да так, – промямлил Максим.

– На парад пойдём? Семьдесят пять лет Победы всё-таки.

– Не знаю, у меня дела, – ответил Максим, и его взгляд наткнулся на лёгкую извилистую трещину на стене. Он неожиданно вспомнил, как в детстве ходил с дедом на площадь, махал флажком, а потом они вместе ели мороженое в парке.

За ужином дед молча ковырял вилкой картошку. Отец что-то оживлённо рассказывал о новых проектах на работе. Включённый телевизор показывал военный фильм – чёрно-белые кадры с бегущими в атаку солдатами, грохот взрывов.

– ...наконец-то мы заключили контракт, представляешь, Оль? Но сколько нервов это стоило! – говорил отец, но его речь перекрывал голос диктора: «...ценой невероятных усилий и героизма бойцов Красной Армии...»

Дед перевел взгляд на экран и перестал жевать.

– Бать, да переключи ты уже на что-нибудь, – с раздражением в голосе сказал отец, протягивая руку к пульту. – Каждый день одно и то же. Война, война. Надоело уже.

Отец замолчал, и Максиму вдруг показалось, что в его глазах мелькнула не только досада, но и что-то вроде страха, словно он боялся этой темы.

Рука деда, старческая, в коричневых пятнах, легла на пульт, накрывая собой пальцы сына. Быстро, почти по-кошачьи.

– Не трожь, Дмитрий, – глухо произнес старик.

– Батя, ну сколько можно? – отец отдернул руку, его лицо исказила гримаса досады. – Максиму это нафиг не сдалось, ему ЕГЭ через год сдавать, в будущее смотреть, а не в прошлое ползать! Хватит жить тем, что было восемьдесят лет назад!

Он почти кричал, и в этом крике слышался отзвук голоса того мальчишки, который в День Победы вместо похода в парк смотрел, как отец молча сидит у телевизора, и ненавидел этот день. Ненавидел войну, отнявшую у него не деда, которого он не знал, а живого, настоящего отца. Отца, который мыслями всегда был где-то далеко, в сорок третьем.

Дед не отрывал глаз от экрана. Губы чуть шевельнулись:

– Будущего... без прошлого не бывает.

Ложка отца грохнула о тарелку.

– Опять! – Дмитрий ударил ладонью по столу. Стакан подпрыгнул, вода расплескалась. – Какое прошлое, пап? Какое?! Карьера, кредиты, семья – это настоящее! О нём и думать надо!

Дед медленно перевёл взгляд с экрана на сына. Помолчал. Достал платок, тщательно вытер губы.

– Семья, – сказал он беззвучно, почти шёпотом, – она и есть прошлое. Всё, что у нас есть. А без него мы... никто. Стадо.

Последнее слово повисло в тишине, густое, как дым.

Отец фыркнул, отодвинул тарелку и вышел из-за стола, бросив на ходу:

– Не могу я это слушать!

Максим последовал его примеру. В дверях он обернулся. Дед сидел один в свете мерцающего телевизора, неподвижный, как памятник самому себе, и казался бесконечно одиноким.

В своей комнате Максим надел наушники и запустил на ноутбуке игру. Выстрелы, взрывы, крики виртуальных солдат. Он яростно щёлкал мышью, но перед глазами стояли две картинки: Аня, говорящая про «пацанов, которые не струсил», и дед, одинокий и неподвижный в свете телевизора.

– Да пошли вы, – прошептал Максим, всаживая очередь в виртуального врага. – Причём здесь я?

Глава 2

Проклятие чердака

Дома пахло жареной колбасой и чем-то ещё: тревожным, невысказанным ожиданием. Утром отец был неестественно оживлённым, а мама молча сутилась у плиты.

– Так, семья, у нас есть планы на выходные, – начал отец нарочито бодро. – А заодно и на всё лето для одного из нас. Правильно, Оль?

Максим насторожился, перестав жевать.

– Да, – продолжил папа. – Дед уже переехал в деревню на всё лето. Говорит, там с крышей проблемы. Так что на выходных съездим туда и поможем разобрать чердак. А когда учёба закончится, то командиром туда тебя, Макс. Будешь деду помогать.

Вилка, которую Максим только что подносил ко рту, замерла на полпути. В животе что-то ёкнуло и провалилось в ледяную пустоту.

– Куда? – его собственный голос прозвучал глухо, будто из соседней комнаты.

– К деду, – голос матери стал нарочито сладким, сиропным. – Это же здорово! Свежий воздух, природа!

Максим медленно опустил ложку в тарелку. Звук – «чвяк» – отозвался в этой новой, ледяной тишине. Он не видел больше ни стола, ни родителей. Перед глазами поплыли образы, резкие, как кадры плохого фильма: покосившийся забор, дедовы руки в коричневых пятнах, тишина, которую можно потрогать.

– В деревню? – выдохнул он, и это слово обожгло горло. Он представил себе старый просторный дом, где интернет ловит только на крыше сарая, молчаливого деда, с которым и поговорить-то не о чем, и бесконечные дни скуки.

– Ну, деревней это было раньше. А теперь пригород, – попыталась успокоить его мама. – Если надо, сел на автобус и приехал.

– Ты же понимаешь, что деда нельзя оставлять одного. После смерти бабушки он совсем сдал, сердце... да и ноги у него плохие.

– Зимой он с нами, но летом ему лучше в своём доме, на природе, – добавил отец.

– Вы что, с ума сошли?! – вырвалось у Максима. – На всё лето?! У меня же чемпионат по «Авиакомбату»! Я полгода готовился! И я курсы по программированию хотел!

– Ну, чемпионат у тебя виртуальный, сможешь и из деревни участвовать. И курсы так же пройти... если поймаеть сеть, – невозмутимо заметил отец. – Это ответственность за семью.

– Какая ещё ответственность?! – голос Максима сорвался на визгливую ноту. – Это каторга! Я там с ума сойду! Что я там буду делать один целое лето?! Коров доить?!

– Максим, прекрати! – голос отца стал твёрдым. – Решение принято. Дедушка ждёт. Ты едешь в июне. Точка.

– Это несправедливо! – закричал Максим, отталкивая тарелку. Еда встала комом в горле. – Вы просто хотите сбегать меня куда подальше! Вам лишь бы от меня избавиться!

Он вскочил из-за стола и бросился в свою комнату, громко хлопнув дверью. Рухнув на кровать и яростно тыча пальцем в экран смартфона, он пытался найти поддержку в чатах. Но вместо этого он видел только саркастическую ухмылку Аркадия Семёновича и слышал его голос: «Удобная позиция. Сводить всё к формальностям».

Теперь его самого заставляли исполнять какую-то дурацкую формальность. «Помочь семье». «Ответственность». Какие-то древние, отжившие своё понятия. Он с ненавистью посмотрел в окно на освещённый огнями город. Его город. Его жизнь. И всё это на целое лето заменялось на пыльный чердак и молчаливого старика.

Впереди ждало худшее лето в его жизни.

В субботу утром Максим лежал на кровати, уставившись в планшет. В наушниках бушевал сложный саундтрек.

– Максим! Ты ещё жив там? – на пороге комнаты показался отец, одетый в старые джинсы и футболку. – Хватит валяться.

Максим снял наушники.

– Я не валяюсь! – ответил он, зная, что это неправда. – Аудиокнигу слушаю! По истории!

Наступила пауза. Он почти физически ощутил скептический взгляд отца. Он умел так смотреть, словно сквозь стены.

– Очень рад! Так вот, история творится прямо сейчас. Помнишь, о чём вчера говорили? Едем к деду разбирать чердак и готовиться к ремонту крыши. Собирайся.

– Па, ну я занят, – простонал Максим. – Мне с ребятами надо встретиться. Я обещал.

– Ничего страшного, в другой раз выступишься, – тон отца не допускал возражений. – У деда спина больная, одному ему не управиться. Через десять минут выезжаем. Ты у меня главный грузчик сегодня.

Новенькая папина машина медленно тащи́лась в пробке. Отец хмурился и давил на клаксон, отпуская в адрес наглецов короткие, отрывистые фразы. Максим вжимался в пассажирское сиденье, пальцами простукивая нервный ритм по подлокотнику. Наконец асфальт сменился щебёнкой, и машина рванула вперед, подсакивая на ухабах. Максим прильнул лбом к холодному стеклу, наблюдая, как за окном мелькает гипнотизирующая череда полей и перелесков. Ряды берёз, выстроившиеся вдоль дороги, казались ему немým кортежем, провожающим в ссылку.

Связь оборвалась вместе с последней полоской сетки на телефоне. Отец выкрутил радио громче, заглушая тишину допотопными мелодиями. Мама, приоткрывая окно, пыталась растормошить сына улыбкой:

– Смотри, Макс, красота-то какая! Воздух! Как в санатории!

Максим лишь мотнул головой, уткнувшись в телефон, и сделал глубокий вдох. Воздух и правда был другим, наполненным запахом пробуждающейся земли. Но для него это был запах тоски и полной оторванности от мира.

Деревня встретила их пустыми улицами. Куры, лениво копошащиеся в пыли, подняли переполох, нехотя уступая дорогу машине. Дом деда стоял на отшибе, тёмный и угрюмый, как скала. Крыша из выцветшего шифера казалась гигантской надгробной плитой.

Дверь скрипнула и открылась сама, словно дом вздохнул. На пороге стоял дед. Высокий, сухопарый, в потёртом комбинезоне. Его светлые, почти прозрачные глаза медленно скользили по машине, по родителям и на мгновение задержались на внуке.

Максим потупился, делая вид, что поправляет шнурки на кроссовках. Он знал, что дед терпеть не может опозданий, а они задержались из-за него.

– Привет, дед, – выдохнул он, с усилием поднимая голову.

Дед молча кивнул, и это молчание было тяжелее крика.

В доме пахло старой древесиной, печным дымом и мятой. Обстановка была простой: огромная русская печь, деревянный стол, лавки, на стене ковёр с оленями и старые часы с маятником, мерно тикающие в углу. Позапрошлый век. Максиму стало не по себе.

– Ну как здоровье, пап? – голос мамы прозвучал неестественно бодро.

– Пошаливает, – отрезал дед, не глядя на неё. – Крыша вон течёт, а на чердак уже не залезешь.

– Ничего, батя, – хлопнул по столу ладонью отец. – Сейчас мы с Максимом чердак в два счёта разберём и наскоро подлатаем. А летом и крышу починим.

Взгляд деда настиг, как луч прожектора. Сухой, не моргающий. Максим попытался удержать его, но веки сами собой дрогнули, и он отвел глаза куда-то в сторону, к потёртому краю скатерти. По спине, от шеи до поясницы, проползла стылая мурашка.

Максим, нехотя отправив в рот последний кусок пирожка, поплелся следом за дедом и отцом, намеренно замедляя шаг. Лестница на чердак скрипела под ногами, словно жалуясь на каждое движение.

Воздух под нагретой крышей ударил в лицо спёртым теплом и сладковато-пыльным вкусом, от которого першило в горле. Максим сморщился, проводя рукой по носу, чтобы сдержать чихание. Свет едва пробивался сквозь запылённое окно.

Дед Борис, не обращая внимания на хаос, уверенно направился к огромному сундуку, покрытому толстым слоем пыли и паутины, которая колыхалась при его движении, как серые знамена.

– Осторожней, батя, – Дмитрий сделал шаг вперед. – Давай я.

– Сам справлюсь, – буркнул дед, но отступил, вытирая пот со лба. Его плечи слегка опустились, выдавая усталость.

Максим медленно обвёл взглядом царство хаоса и засунул руки поглубже в карманы. Чердак был забит реликвиями прошлого: скрюченные велосипедные рамы, груды пожелтевших газет, старый бабушкин манекен без руки, смотрящий в пустоту стеклянными глазами. Казалось, здесь хранилось всё, что когда-либо переставало быть нужным, но по каким-то неведомым причинам избежало мусорной ямы.

– Так, боец! – Отец, уже успевший влезть головой в паутину, держал в руках какой-то старый ящик. Паутина серебристой нитью цеплялась за его волосы. – Вещи рассортировать. Задача ясна?

– Какая задача? – Максим сделал последнюю попытку саботажа, скрестив руки на груди. – Выбросить всё, что не приколочено? Так давайте сразу скинем всё вниз и вывезем. Зачем это трогать, перебирать?

Отец поставил ящик, смахнул с лица липкие нити и посмотрел на сына с тем самым знакомым выражением – смесью разочарования и раздражения. Именно этот взгляд заставлял Максима закипать внутри.

– Потому что это не «всё», Максим. Это память. Мы не на свалке. Разбираем. Всё, что не нужно, – на выброс. Всё, что может иметь хоть какую-то ценность, – складываем вот здесь. Всё, что сомнительно, – ко мне на разборку. Вопросы есть?

– Один, – мрачно ответил Максим, пнув носком ботинка ближайшую стопку журналов. – Это точно нельзя отложить?

– Нельзя, – ухмыльнулся Дмитрий. – Трудовое воспитание развивает характер.

– Понятно, – Максим без энтузиазма окинул взглядом скопище коробок. – А что здесь вообще может иметь ценность? Кроме, ну, музейных экспонатов? Вот, например, эта коробка с журналами «Огонёк» за 1973 год? Её на помойку или в сейф класть?

– Ко мне на разбор, – невозмутимо парировал отец. – Архивный подход, Максим. Не выбрасывать, а разбирать. Понял? И без сарказма.

В голове у Макса тут же всплыл образ Ани Соколовой. Ей бы это понравилось. Копытаться в этом старье. Она как-то рассказывала, что по выходным ездит в архивы, ищет информацию о сражениях и о погибших. Для Максима это звучало как квест уровня «мазохизм». А она говорила об этом с таким энтузиазмом...

– Ладно, ладно, – сдался он, с силой сдувая хлопья с ближайшей коробки. – Буду разбирать ваш архив. Только если задохнусь в пыли, виноваты будете вы.

Отец хмыкнул.

– Считай, что проходишь курсы юного архивариуса. Пригодится в жизни. Держу кулаки, чтобы ты нашёл хоть один стоящий артефакт.

Он спустился вниз, оставив сына наедине с «архивом».

Максим с ненавистью пнул ногой ближайшую коробку. Оттуда повалил густой запах старой бумаги и мышей. «Юный архивариус, ага... Аня бы точно оценила», – с ехидцей подумал он, натягивая капюшон на голову, как скафандр.

Работа оказалась адской. Пыль щекотала нос, забивалась под одежду, лезла в глаза. Максим, морщась, перетаскивал стопки журналов, коробки с игрушками, из которых сыпался серебристый дождик. Руки стали серыми, на худи выступили тёмные пятна пота.

«Пацаны сейчас готовятся к турниру по «Авиакомбату», а я? Ну почему я должен таскать это старьё? Так можно и из команды вылететь! – Максим зло пнул очередную коробку, и из неё вылетело облачко пыли. – Этот хлам мог бы подождать ещё лет сто».

Мысль о том, что всё это нужно разобрать, вызывала тошнотворную тоску. Он уже мысленно смирился с унылой участью, когда, оттаскивая очередную коробку, взглянул в дальний угол. Под балкой, куда почти не добирался свет, пыль лежала пушистым нетронутым ковром. Но что-то нарушало идеальную поверхность – смутный контур, странная тень. Максим кряхтя протиснулся между грудой старых рам и ящиком с ржавым железом, чувствуя, как сердце неожиданно застучало чаще. Лень и раздражение вступили в борьбу с внезапно проснувшимся любопытством. Любопытство, подогретое скукой, победило.

Небольшая деревянная шкатулка была задвинута далеко под балку, словно кто-то намеренно хотел её спрятать. Преодолевая лёгкое отвращение, Максим смахнул липкую паутину и потянул на себя шкатулку. Его брови поползли вверх: она оказалась неожиданно тяжёлой, будто была набита камнями.

Присев на корточки, Максим сдул серый налет с крышки и замер. Пыль скрывала сложную мозаику из темного и светлого дерева. Крошечный замок-защёлка сбоку фиксировал крышку, не давая ей открыться.

– Похоже, там привет из восьмидесятых, – пробормотал Максим дрогнувшим голосом.

Снизу послышался голос отца:

– Максим! Как успехи? Уже можно вызывать кинологов для поиска тебя под завалами?

Максим дёрнулся, инстинктивно прикрыв находку телом. Его голос прозвучал странно отрешенно:

– Да нет... так, какая-то бабушкина фигня.

– Тащи вниз, разберёмся, – Дмитрий, красный от жары, уже стоял у люка. – На сегодня, считай, отработал. Иди, мама накормит.

Максим кивнул, не поднимая глаз. Он дождался, когда шаги отца затихли, и только тогда поднялся, бережно прижимая шкатулку к груди.

Глава 3

Шёпот треугольников

Комната Максима на втором этаже дедова дома дышала чужой, упорядоченной тишиной. Никакого привычного хаоса из фантиков и дисков. Из-за цветастой шторы выглядывала вазочка с поплёкшей лавандой. На полках стояли ровные ряды книг из детства отца: Жюль Верн, Дюма, Каверин. Приключения, покрытые пылью. Найденная на чердаке шкатулка казалась здесь своей, в отличие от лежащего на столе ноутбука.

Максим внимательно изучил шкатулку. Дерево было неожиданно прохладным и гладким, отполированным временем. Он потряс её – внутри что-то глухо зашуршало и перекаатилось с тихим стуком. Пальцы сами потянулись к маленькому проржавевшему замочку. Попытка поддеть крышку ногтем оказалась тщетной: та лишь коротко скрипнула, но не поддалась. Нахмурившись, Максим окинул взглядом комнату в поисках подходящего инструмента. Он порылся в ящике стола, вытащил складной нож и поддел крышку.

– Ну же, – прошипел он, нажимая сильнее, чувствуя, как напрягаются мышцы предплечья. – Открывайся, детка... Покажи, что ты там прячешь. Может, тебя и правда в музей сдать надо.

Раздался сухой громкий щелчок, и защёлка, не выдержав натиска, отскочила.

Сердце ёкнуло и забилося чаще. Он отложил нож и, сделав глубокий вдох, медленно, почти с благоговением приподнял крышку. Та со скрипом отворилась на потемневших железных петлях.

И тогда на него хлынул запах. Густой, сложный, осязаемый. Сладковатый дух старой бумаги, смешанный с горьковатым привкусом сухих чернил, терпкой ноткой древесной смолы и чем-то ещё... неуловимо личным, человеческим, что заставляло сердце сжиматься и биться чаще. Наверное, это и был запах времени.

Максим вытер вспотевшие ладони о футболку и вынул из шкатулки две потускневшие фотографии. На первой стояли трое парней: молодых, коротко стриженных, в новенькой военной форме. Вихрастый парень в пилотке смотрел прямо в объектив, чуть улыбаясь, в глазах смесь юношеской удалы и спокойной, взрослой решимости. Рядом высокий, плечистый парень приложил руку к пилотке в воинском приветствии, а третий, невысокий и круглолицый, скорчил смешную рожицу. На обороте чётким, чуть угловатым почерком было выведено: «Моей любимой Лидочке. От Андрея». На другом снимке тот же парень с гордым и слегка смущённым видом обнимал за талию девушку с маленькой брошкой в виде ландыша на груди. Та прижималась щекой к его плечу, а счастье на фотографии было таким простым и острым, что Максима накрыла тёплая волна нежности – и стало чуть не по себе. Девушка – наверное, прабабушка Лидия, о которой он почти ничего не знал.

Под фотографиями на пачке пожелтевших писем-треугольников лежала та самая брошка в виде веточки ландыша с пятью белыми цветочками-колокольчиками и зелёным листиком.

Максим отложил в сторону брошь и потянулся за письмами. Чернила выцвели, но на верхнем письме он смог прочитать адрес: «полевая почта... Игнатову Андрею Васильевичу». А в углу адрес дедова дома и имя: «Лидия Игнатова».

Он осторожно коснулся шершавой бумаги...

И вдруг провалился.

Не физически. Внутренне. В ушах прозвучал оглушительный незнакомый смех. В ноздри ударил резкий запах дыма и пота. Он на секунду почувствовал на своих плечах невидимую

тяжесть, грубую ткань гимнастёрки, а перед глазами мелькнуло смеющееся лицо неизвестного мужчины.

Видение длилось всего секунду и исчезло так же внезапно, как и появилось.

Максим резко отдернул руку, словно обжёгшись, и отшатнулся от стола так, что задел стул. Деревянные ножки противно заскрежетали по полу. Его сердце колотилось где-то в горле.

Это было настолько реально, что он чувствовал на языке привкус чего-то горького, похожего на чад, а в ушах стоял отзвук того громкого, раскатистого смеха. И тот взгляд незнакомца, на мгновение встретившийся с его взглядом.

Несколько минут Максим молча смотрел на письма в шкатулке, не решаясь прикоснуться к ним. Наконец страх сменился жгучим, нестерпимым любопытством. Он сделал глубокий вдох и вынул из шкатулки пачку писем, перевязанную грубой бечёвкой. Узел был тугой, затянутый намертво чьей-то рукой много десятилетий назад. Максим попытался раздвинуть пальцами петли узелка на высохшей бечёвке. От напряжения на лбу проступила лёгкая испарина. Наконец узел поддался, бечёвка ослабла, и Максим, затаив дыхание, стал осторожно, сантиметр за сантиметром, снимать её с писем. Пальцы двигались медленно, будто он разматывал не верёвку, а само время.

Последняя петля соскользнула, и желтоватые, истончившиеся от времени бумажные треугольники рассыпалась по столу.

Он взял первое письмо и развернул. Бумага была шершавой, похожей на тонкую кожу, и пахла не плесенью, а чем-то древним: сухими травами и пылью.

Письмо было написано ровным почерком, с чёткими, уходящими вверх росчерками. Видно, что человек писал не впопыхах, а выводил каждую букву старательно.

«Моя милая жёнушка, моя хорошая Лидочка!

Получил твои письма, целых три за раз! Читал и перечитывал, как молитву. Спасибо тебе за каждую строчку, за каждую весточку из дома. Они здесь дороже любого пайка. У нас пока затишье, стоим в лесу, приводим себя в порядок после последних боёв. Пока не летаем, потому что погода отвратительная, дождик моросит второй день, всё промокло насквозь. Но твои письма словно солнышко из дома принесли.

Ты спрашиваешь, как я? Жив, здоров, невредим, чего и тебе желаю. Кормят нормально, сегодня даже кашу с тушёнкой дали. Серёга, мой пилот, шутит, что от такой пищи можно и медведя вырастить. Он, кстати, тебе привет передаёт. Говорит, что у его Катки, наверное, рука уже устала письма ему писать, а у тебя, мол, терпения больше.

Лидёнок, не беспокойся обо мне так. Я ведь как есть везучий. Помнишь, как в детстве с горы самой крутой катался и ни разу не разбился? Вот и здесь пронесёт. Мы им ещё покажем, где раки зимуют! Скоро, я чувствую, погоним их обратно.

А как у тебя дела на заводе? Не очень-то утруждай себя, родная. Тебе сейчас нужно думать не только обо мне, но и о нашем будущем малыше. Как мама? Передай ей мой низкий поклон. Мечтаю о дне, когда всё это кончится, и мы с тобой сядем на крылечко нашего дома, и будет тихо, и будет мирно, и никаких больше тревог...

Целую тебя крепко-крепко, моя ненаглядная. Целую твои руки, твои глаза. Жди меня. Всегда твой муж Андрей».

Максим сидел неподвижно, пытаясь переварить прочитанное. Это был не учебник истории. Это был голос. Живой, тёплый, наполненный какой-то дикой, непобедимой надеждой. Парень немногим старше него шутил про еду, передавал приветы, беспокоился о своей любимой... и мечтал о мирной жизни после войны.

Заглянув внутрь шкатулки, Максим увидел сложенный вдвое листок с потемневшим сгибом, потёртый по краям.

– Ну а что ты мне такого важного можешь рассказать? – тихо спросил он, разворачивая пожелтевшую бумагу.

Бумага хрустнула. Слова «пропал без вести» ударили не сразу. Сначала бумага стала ледяной в его пальцах, будто её только что принесли с мороза. Потом в ушах возник высокий, звенящий звук, заглушивший тиканье часов на стене.

Он медленно, с невероятным усилием, будто лист весил центнер, положил его на стол, аккуратно разгладил ладонью. Смотреть на это письмо было невыносимо. Максим встал. Подошёл к окну. В сизых сумерках двое соседских детей гоняли по улице на самокатах, смеясь и крича. Всё было на своих местах.

Но память, спрессованная в этих словах, кричала, и этот крик отдавался в висках глухой, невыносимой болью.

Перед его глазами поплыли образы. Нечёткие, размытые, как через плохо настроенный бинокль.

Земля. Чёрная, мокрая, обледеневшая. Он лежит, вжавшись щекой в землю, от которой веет смертельным холодом. Где-то очень близко слышны приглушённые голоса, скрежет, лязг.

– ...командир говорит, с рассветом...

– ...хоть бы обстрел прекратился...

Грохот разрывает барабанные перепонки, обрывая голоса. Земля содрогается, сверху сыплется грязный снег. Кто-то кричит – глухо, не от боли, а от всепоглощающего страха.

Максим ощутил этот страх: ледяной, тяжёлый ком в груди. Он хотел закричать, но горло не повиновалось. Пальцы – не его, пальцы того, кем он стал, – судорожно впились в карман гимнастёрки.

И тут же, как вспышка, другой образ.

Полумрак. Он сидит за столом, склонившись над листком бумаги, в пальцах зажат карандаш. Рука затекает, но он пишет, торопливо, с сильным нажимом, выводя ровные строчки.

«Моя дорогая Лидочка...»

Он чувствует нежность. Тягучую, сладкую тоску, заставляющую сердце замирать. Представляет её лицо, её улыбку, как она читает письмо...

И снова резкая смена.

Тряска. Дребезжание. Пахнет бензином, гарью и людьми. Его голову сдавил в тисках невидимый шлемофон: тяжёлый, пахнувший кожей и страхом, горький вкус которого сводит скулы. Холод, пронизывающий до костей. В ушах низкочастотный гул, от которого вибрируют перепонки. Воздух густой: бензин, гарь, раскалённый металл, пот. Поверх гула хрипит голос, сорванный, дымный, с адреналином:

– «Юнкерс» на три часа, высота четыре! Андрей, чёрт, не зевай! Бей!

Видение лопается, как мыльный пузырь. Резко и безвозвратно.

Максима била дрожь. Зубы выстукивали дробь. По спине стекал холодный пот. Во рту привкус железа, пальцы ноют – то ли от мёрзлой земли, то ли от карандаша. Перед глазами таяли слепящие пятна.

– Что за бред? – прошептал Максим, сжимая виски.

Щель между мирами приоткрылась, и Максим почувствовал, как из неё, из прошлого, кто-то внимательно смотрит на него.

Скука испарилась. Её сменило нечто острое, щемящее, живое. Прошлое оживо: пожелтевшая фотография, запах пороха, зов. Максиму захотелось откликнуться.

Он собрал в шкатулку всё: фото, письма, похоронку, брошь. Но на чердак не понёс. Помедлив, он поставил шкатулку на письменный стол рядом с ноутбуком. Два мира: один циф-

ровой, другой, пропахший порохом и страхом, теперь соприкасались. Игнорировать их связь уже невозможно.

Глава 4

Чернила и пепел

Вечер опустился на деревню, окрасив небо в густые лиловые тона. В небе зажглись звёзды, стихли голоса подростков, гонявших мяч на поляне. В комнате Максима было тихо. Смотанный шнур и наушники так и лежали неподключённые рядом с ноутбуком. Мир погрузился в неестественную, давящую тишину.

Взгляд Максима снова и снова возвращался к шкатулке, выделявшейся на столе тёмным массивным пятном. Тот короткий, оглушительный всплеск прошлого выжег в нём все остальные мысли. Он теперь знал, что внутри шкатулки не просто бумага. Там целый мир. Мир холода, страха, тоски и того самого громкого смеха.

Сердце колотилось в груди так громко, будто пытаюсь достучаться до кого-то из далекого 1941-го. Наконец он сделал глубокий вдох и принялся за дело.

Письма-треугольники были адресованы красноармейцу Игнатову Андрею Николаевичу. Почерк на них был ровным, женственным. Письма от Лиды. Максим отложил их в сторону. Трогать их сейчас он не решался. Это было слишком личное. Но как её письма оказались в шкатулке? Ведь они должны были быть у Андрея.

– Запишем в загадки, – пробормотал Максим и потянулся за следующим письмом.

Кончики пальцев ощутили шершавость, бумага под ними заскрипела, угрожая рассыпаться в труху от одного неловкого движения.

«3 октября 1941 г.

Моя родная, моя любимая Лидочка!

Пишу тебе с ускоренных курсов стрелков-радиостов. Всё хорошо, не переживай за меня. Ребята здесь подобрались отличные, один другого лучше. Уже освоил эту нашу “летающую крепость” почти что вдоль и поперёк. Стрелок – должность ответственная, я тебе скажу! От нас зависит, чтобы “юнкеры” и наших не тронули, и до своих не долетели».

Максим отложил письмо, пытаюсь представить себе не абстрактного курсанта, а того самого парня с фотографии, который с таким задором писал о смертельно опасной работе. Он продолжил читать, и голос прадеда оживал в его голове.

«Скучаю по тебе страшно, каждую свободную минуту представляю наш дом, твои руки, твой смех. Как ты там, моя хорошая? Как наш будущий богатырь? Да, да, я уверен, что будет сын! Пусть растёт крепким и смелым, и чтобы эта война для него была всего лишь страницей в учебнике, понимаешь? Чтобы никогда не знал, что такое сирена и бомбёжка.

Тут один раз был на ученьях, так мне показалось, что пахнет тем яблочным пирогом, что ты печёшь. Аж сердце защемило. Мелочь, а так тянет домой...»

Образ прадеда, проступающий сквозь пожелтевшую бумагу, оказался таким живым и настоящим, что Максим почувствовал, как в горле застрял тяжёлый ком. Он отложил письмо и медленно провел ладонью по глазам, пытаюсь стереть намерзшую влагу. Его взгляд скользнул по привычной комнате: на столе мощный ноутбук, на полках ровные ряды старых книг. И этот уют, и эта предсказуемость мира вдруг показались ему хрупкими, почти ненастоящими.

«Чтобы эта война для него была всего лишь страницей в учебнике...»

Слова прадеда прозвучали с такой ясностью, словно были произнесены здесь и сейчас, в этой тишине. Не абстрактный герой из прошлого, а парень по имени Андрей обращался к нему, своему правнуку, через семьдесят пять лет. И Максим с горечью осознал, что именно так, как нудную главу в учебнике, он и воспринимал ту войну.

Он снова взял письмо. Последний абзац был выведен с таким нажимом, что буквы продавили бумагу, будто прадед вкладывал в них всю свою силу, всю свою веру.

«Скоро на фронт, наверное. Не бойся за меня. Я буду осторожен как никогда, потому что у меня есть ради чего возвращаться. Есть ты. И есть он. Я буду биться за наш дом, за каждую пядь нашей земли, чтобы вы могли жить под мирным небом. Обязательно вернусь, жди меня, родная.

Крепко-крепко целую тебя и нашего малыша.

Твой Андрей».

Максим медленно опустил письмо на колени. Он сидел и смотрел в стену, но не видел ни обоев, ни полок, – перед ним стоял парень с ясными глазами, который с тоской вспоминал запах яблочного пирога и писал о мире для своего ещё не родившегося сына. Писал о войне не как о подвиге, а как о тяжёлой, страшной работе, которую нужно сделать, чтобы вернуться домой.

Это было не похоже на всё, что он когда-либо читал или слышал. Никаких громких фраз, никакого пафоса. Только простая, искренняя любовь и железная решимость.

Он больше не видел в прадеде героя войны. Он видел Андрея. Парня, который любил жену Лиду, скучал по дому и очень хотел жить.

Максим осторожно сложил письмо, стараясь в точности повторить сгибы, сделанные рукой Андрея много лет назад. Его пальцы слегка дрожали.

Дверь в комнату бесшумно открылась и на пороге появился дед Борис. Увидев на столе шкатулку и треугольники писем, рассыпанные на столе, дед замер. В его глазах вспыхнул страх, быстро сменившийся гневом, руки сжались в кулаки, а лицо, обычно непроницаемое, исказила ярость.

– Ты... – его голос был не хриплым, а каким-то надтреснутым, высоким, почти срывающимся на крик. Он сделал два резких шага вперёд. – Кто тебе разрешил лезть в мои вещи?!

– Я... я не лез! – выпалил Максим, оглушённый этой яростью. – Я нашёл! Она была за балкой! Я же...

– Замолчи! – дед рывкнул так, что Максим вздрогнул. Он стоял над ним, огромный, тёмный, загораживая свет. Его палец, грубый и искривлённый, ткнул во внука. – Ты ничего не понимаешь! Ни-че-го! Ты думаешь, это игрушки? Это старые бумажки для твоего школьного проекта?!

– Нет! Я просто... – Максим попытался подняться, но дед резким движением руки, словно отсекая оправдания, приказал оставаться на месте.

– Просто что? Решил порыться? – он говорил с язвительной, горькой усмешкой, и каждое слово било точно в цель. – Это не кино! Это моя жизнь! Моя! Понимаешь?! Это боль моей матери, которая до гроба ждала! Это моё детство без отца! Это ты можешь понять своими компьютерными мозгами?!

Он наклонился, схватил со стола письмо, которое только что читал Максим, и сжал его в комок в своей могучей, трясущейся от гнева руке.

– Дед, нет! Ты его порвёшь!

– И пусть! – прошипел он. – Пусть сгинет всё! Чтобы вы, любопытные, не тыкались в него грязными носами! Чтобы не превращали мою боль в свои доклады!

Он замахнулся, чтобы швырнуть письмо куда-то в угол. Но не смог. Рука его задрожала и опустилась. Он разжал пальцы, глядя на помятый бесценный листок. Вся ярость вдруг ушла из него, испарилась, оставив лишь пустоту и старческую беспомощность. Он пошатнулся.

– Мама... – выдохнул он, и это было уже не слово, а стон, полный такой неизбывной тоски, что у Максима перехватило дыхание. – Она писала каждую неделю... Ждала ответа. А потом... потом пришла эта бумага... «Пропадал без вести»... И всё.

Он посмотрел на внука, и в его глазах уже не было ни ненависти, ни упрёка. Только бесконечная боль.

– И зачем? – спросил он тихо, уже не Максима, а скорее, самого себя, Бога, несправедливый мир. – Зачем ты это откопал? Чтобы мне ещё раз всё пережить? Чтобы я ещё раз похоронил его в своей душе?

Он резко развернулся и зашагал к выходу, но на полпути остановился, не оборачиваясь. Его спина, всегда такая прямая, сейчас сгорбилась.

– Убери это. На место. Закрой. Забудь, – он произнёс это безжизненно, будто отдавая приказ. – И не трожь мою боль. Прошлое не прощает любопытных.

Дверь за ним грохнула с таким звуком, будто захлопнулся склеп.

Максим остался один. В гробовой тишине, нарушаемой лишь бешеным стуком его сердца. Пахло тоской и многолетним горем, которое только что обожгло его.

Пальцы сами потянулись к смятому листку. Он поднял его с почтительным трепетом, пытаясь разгладить хрупкую бумагу.

Его взгляд упал на фотографию прадеда, и в тишине комнаты ему вновь почудился тихий, но чёткий голос деда: «Не трожь меня. И не трожь мою боль».

Но дед был неправ. Эта боль никогда не была только его. Она, как ржавчина, годами точила их тихий дом, отравляла молчание за столом, делала взгляд старика отрешённым. И теперь, коснувшись этих писем, Максим понял: он не может просто убрать эту боль обратно в шкатулку, как делал дед. Он должен сделать то, на что у того не хватило сил, – узнать, что стало с тем парнем на фотографии. Найти точку на карте, где оборвалась его жизнь.

Максим взял одно из писем Лиды.

«Мой дорогой Андрюша! Получила твоё письмо, аж руки затряслись от радости...»

Он читал, и слова оживали. Он видел не строки, а образы: молодую женщину, вложившую в каждую строчку всю свою любовь, надежду и страх.

И тут его снова накрыло.

Не видение. Чувство. Острая, почти физическая тоска. Она шла от этих пожелтевших листков, она витала в воздухе, она жила в этом доме. Это была тоска Лиды по Андрею. Тоска, которая не угасла за десятилетия.

Он понял всё. Понял, почему дед такой молчаливый. Он вырос в этой тоске. Он был ребёнком, который никогда не знал отца и который всю жизнь видел печаль в глазах матери.

Максим прикоснулся к тайне. Тайне своей семьи. И он не мог просто так отступить.

Глава 5

Найди меня

Последние слова письма крутились в голове: «Обязательно вернись». Максим аккуратно сложил пожелтевший треугольник и положил его обратно в шкатулку, рядом с фотографиями. Комната погрузилась в темноту. Он не включал свет. Не двигался. Сидел на краю кровати, уставившись на слабый силуэт шкатулки на столе.

В голове звучал голос. Не его собственный, не голос из наушников. Чужой. Молодой, с лёгкой хрипотцой. Голос Андрея. И его слова обретали плоть, обрастали звуками и запахами: гулом мотора, хрустом гравия под сапогами.

Максим почувствовал себя воришкой, который подглядывает в замочную скважину за чужой жизнью. Только скважина эта была временной, а жизнь давно законченной и похороненной. От этого становилось жутко.

Он откинулся на подушку, стараясь выкинуть эти мысли, загнать их обратно, в ветхий ящик, откуда они явились. Включил музыку. Громко. Но басы не могли заглушить тихий настойчивый голос, звучавший где-то в самой глубине мозга: «Обязательно вернись».

Видение накрыло внезапно. Его сознание поглотила иная реальность: плотная, оглушительная, но на этот раз очень чёткая.

Земля, изуродованная, покрытая воронками, содрогалась от грохота. Бешеный треск пулемётов и низкий гул откуда-то сверху.

Максим бежал, падал, поднимался и снова бежал, подчиняясь животному инстинкту. Сапоги застревали в липкой чёрной хляби, цеплялись о кочки. Мокрая шинель сковывала движения. Ком из пыли и страха засел в горле, не давая вдохнуть. А может, это сердце застряло в глотке?

В лёгкие ворвался не воздух, а вонючий коктейль из едкой гари, раскалённого металла, палёной шерсти, крови и человеческих испражнений. Желудок мгновенно среагировал волной спазмов. Максима вырвало судорогой и желудочным соком, оставив во рту гадкий кислый вкус.

Он встал на колени. Над головой пронеслись чёрные кресты, похожие на безжалостных насекомых. Где-то рядом с трескучим звуком строчил зенитный пулемёт.

– Воздух! В укрытие!

Максим обернулся. Пробежавший мимо солдат схватил его за рукав и потащил за собой. Ноги Максима сами побежали за ним, спотыкаясь и проваливаясь в воронки с ржавой водой.

Окоп – щель, набитая испуганными закопчёнными людьми. Они молча вжимались в землю, лишь глаза блестели в темноте. Максим прислонился спиной к стене окопа. Его тело бешено дрожало от страха, который сводил кишки в ледяной узел. Он хотел кричать, но горло было словно зажато тисками.

Где-то совсем рядом раздался взрыв. Земля вздрогнула, осыпаясь им на головы. В ушах зазвенело. На секунду воцарилась оглушительная тишина, а потом её прорезал чей-то одинокий испуганный крик: «Мама! Мамочка!»

Максим обхватил голову руками. Он хотел, чтобы это прекратилось. Умолял кого-то, чтобы это прекратилось.

И вдруг тишина. Глубокая, звенящая, абсолютная.

Картинка сменилась резко, словно в боевике.

В кабине сидели два человека в лётном обмундировании. Сердце Максима упало. Он знал, кто это. Это были парни с фотографии: пилот вёл самолёт, а Андрей, стрелок, уронил голову на пулёмёт. Копоть покрывала его лицо, в углу рта запеклась кровь. Но глаза... глаза были открыты. И вдруг Андрей посмотрел прямо на Максима, будто знал, что тот здесь. Его глаза были абсолютно ясными. В них не было страха. Лишь бездна усталости. Он смотрел сквозь время. Сквозь смерть.

– Андрюха, прыгай! – Раздался в наушниках голос.

– Нет, Серёг... Ранен, – губы Андрея шевельнулись. Из них вырвался не звук, а хриплый кровавый пузырь. – Веди на них...

И Сергей, собрав всю силу, что оставалась в его раненом теле, потянул штурвал на себя, пытаясь выровнять падение, направить горящую машину в самое сердце немецкой траншеи. Самолёт, пылая, как факел, перестал беспорядочно падать.

Андрей откинулся на спинку сиденья, сунул руку за пазуху, под грубую ткань комбинезона. Пальцы нашли то, что искали, – маленький согретый телом предмет.

– Найди... – прошептал он в темноту, обращаясь к тому, кто придёт спустя много-много лет. К тому, кто будет помнить. – Найди меня... Координаты... Вернись...

Земля приближалась с чудовищной скоростью. Уже можно было разглядеть бегущие фигурки в серо-зелёном и лица фашистов: испуганные, задранные вверх. Андрей закрыл глаза.

Максим дёрнулся. Он судорожно хватал ртом воздух, но тот не шёл в лёгкие. Сердце бешено колотилось, отдавая тупой болью в висках. Дрожащей рукой он провёл по лбу, размазав холодную липкую испарину.

Тишина комнаты давила, казалась неестественной после того оглушительного ада. Максим метнул взгляд на стол. Шкатулка стояла на месте.

Рука автоматически потянулась к выключателю, и яркий свет залил комнату, разгоняя тени. Дрожа, Максим взял бутылку с водой и выпил залпом, но ком в горле не исчезал.

Это был не сон. Это было что-то другое. Личное присутствие. Он там был. Он чувствовал эту грязь, этот запах смерти, этот всепоглощающий страх. И он слышал этот шёпот.

«Найди меня...»

Максим посмотрел на свои чистые, мягкие руки. Его скепсис, его цинизм, вся его уверенность в том, что прошлое – это просто пыль, рассыпались в мгновение ока. Осталось только леденящее душу понимание.

Это было реально. И это касалось лично его.

Он подошёл к столу и положил ладонь на крышку шкатулки. Дерево было холодным.

– Хорошо, – прошептал он в тишину комнаты. – Я найду тебя.

Глава 6

Точка невозврата

Ночь была беспокойной и долгой. Максим ворочался, и стоило закрыть глаза, как из темноты на него надвигалось искажённое яростью лицо деда, а затем сменялось образом молодого солдата с фотографии. В ушах стоял тот самый фантомный гул, а в ноздрях щипало от призрачного запаха гари. Максим просыпался в холодном поту, сердце колотилось, как у загнанного зверя. Прошрое, которое он так легкомысленно потревожил, оказалось не тихим архивом, а минным полем.

Утром в доме витало густое, невысказанное напряжение.

– Я сейчас, – засуетилась мама, увидев сына, – варенья к блинам принесу.

Она робко глянула на деда и выскользнула в дверь.

Максим налил деду чай первым, поставил чашку так, чтобы ручка была повёрнута к его правой руке. Дед молча кивнул. Больше они не говорили о шкатулке. Дед, не поднимая глаз, молча жевал бутерброд, уставившись в тарелку. Максим увидел, как его рука дрожит, и чай расплёскивается из чашки на скатерть. Дед казался ещё более старым и разбитым, чем вчера. Его гнев испарился, оставив после себя лишь ломкую, беззащитную хрупкость. И это было в тысячу раз хуже. Максим чувствовал себя последним подлецом.

Отец, чувствуя неладное, пытался разрядить обстановку.

– Ну что, архивариус, – спросил он, наливая себе кофе, – вчера какие-нибудь сокровища откопал? Золото скифов? Дневники прапрадедушки?

Максим покраснел и уткнулся в тарелку с кашей, которая казалась безвкусной.

– Нет... так, какая-то шкатулка старая, – пробормотал он.

Дед резко поднялся из-за стола. Его стул громко заскрёб по полу.

– Я на огород, – он бросил это в пространство, ни на кого не глядя, и вышел, тяжело шаркая тапками.

Отец долго смотрел в окно на сгорбленную фигуру деда в огороде. Рука его непроизвольно сжалась в кулак.

– Он всегда таким был, – тихо, больше для себя, чем Максиму. – Словно его лучшую часть вместе с отцом на войне оставили. Он тоже «пропавший без вести». Пропавший в своей тоске.

Воцарилась неловкая пауза.

– Что случилось? – тихо спросил отец, отодвинув кружку.

Максиму пришлось рассказать о шкатулке, о письмах, о том, как дед застал его за чтением письма. И о его ярости, о его словах, о смятом письме рассказал. Единственное, о чём умолчал Максим, это о фантомном гуле. Боялся, что это прозвучит как бред.

Отец слушал, не перебивая. Его лицо стало серьёзным.

– Ясно, – он тяжело вздохнул и провёл рукой по лицу. – Чёрт. Я же предупреждал тебя. Это не просто хлам, Макс. Для него... это незаживающая рана. Бабушка Лида, его мама, хранила эти письма, а после её смерти дед Борис просто задвинул всё подальше, с глаз долой. Заморозил. А ты... ты потревожил эту боль.

– Почему я всегда виноват? Я не знал! – вспыхнул Максим, и в его голосе прозвучала искренняя обида. – Я же не нарочно! Она просто была там!

– Понятно, что не нарочно, – отец откинулся на стуле. – Но теперь знаешь, поэтому тебе остаётся сделать вид, что ничего не было. Убрать шкатулку обратно, куда подальше, и забыть.

Он замолчал, глядя на сына оценивающим взглядом. В груди у Максима что-то ёкнуло. Тот самый интерес, то щемящее чувство, которое он испытал вчера, пробилось сквозь страх и чувство вины.

– Он же пропал без вести. Дед сказал...

– Пропал... – перебил отец. – Но мир не стоит на месте. Мир меняется. И нечего вязнуть в болоте истории. Собирай вещи. Выезжаем через час.

Поднявшись в свою комнату, Максим подошёл к столу, где рядом с ноутбуком стояла шкатулка. Он провёл пальцем по замысловатому узору на крышке. Там внутри скрывалась загадка, тайна, которую хотелось разгадать. Он взял в руки шкатулку, и тут же в голове возник голос деда: «Не трожь мою боль...», а следом голос отца: «Ничего не было. Убери шкатулку обратно и забудь». Максим постоял, прижимая шкатулку к груди, медленно сделал шаг в сторону двери. Ноги не слушались, а шкатулка с казалась всё тяжелее.

Максим резко повернулся, подошёл к рюкзаку и сунул туда шкатулку. Решение было принято.

Остаток дня Максим бесцельно бродил по квартире, но его сознание было где-то далеко. Теперь запах старой бумаги из шкатулки преследовал его, напоминая и об истории, и о дедовом молчании за столом.

– Макс, иди ужинать, – окликнула его мать, но он лишь молча мотал головой, проходя мимо, не в силах издать ни звука. Голос родителей доносился будто из-под толстого слоя воды.

Внутри него, за стеклом отчуждения, непрерывно крутилась одна и та же киноплёнка, короткий и жуткий фрагмент, врезавшийся в память огненной иглой.

Небо. Не синее и не серое, а грязно-жёлтое от дыма и разрывов. И в этом небе самолёт. С оглушающим воем он падал, словно факел, оставляя за собой густой, чёрный, маслянистый шлейф.

А потом он увидел... тело, которое, как куклу, вышвырнуло из пылающей коробки. Человек-крошка, беспомощный против огромности неба и мощи огня. Он кувыркался в воздухе, и Максим, оцепеневший, ждал. Ждал, когда над ним распухнет белый купол, символ надежды, спасения, отсрочки.

Но купола не было. Лишь на мгновение за его спиной дёрнулась, попыталась раскрыться какая-то белая тряпка и тут же обгорела, превратившись в тлеющий лоскут. Еёхватило лишь на то, чтобы слегка закрутить, изменить траекторию падения, придать ему ещё более жуткий, неестественный вид.

Самолёт, теряя части, скрылся за тёмной зубчатой стеной леса. А тело... тело должно пасть. И в последний миг, перед тем как оно скрылось из виду, Максим увидел лицо.

Молодое, с правильными чертами. Оно было искажено не болью и не страхом, а каким-то детским удивлением, будто он до последнего не верил в такой конец. Глаза, широко раскрытые, смотрели прямо на Максима. Сквозь время. Сквозь реальность.

Максим сглотнул ком в горле и снова зашагал по коридору. Неужели он сходит с ума? Никто не поверит в эти видения. Да он и сам бы не поверил ещё неделю назад...

Он подошел к окну, упёрся лбом в холодное стекло, пытаюсь очнуться. Но кошмарная картина не уходила: падающее тело, нераскрывшийся парашют, пронзительный взгляд и тот самый шёпот.

Максим зажмурился, но видение стало только ярче, будто было выжжено на внутренней стороне век. Это была не просьба, а приказ. Приказ из прошлого от того самого парня, что навсегда остался там, в лесу.

«Найди меня».

Максим открыл глаза. Его мутило, голова кружилась.

Дни, следовавшие за находкой шкатулки, слились воедино, образовав странный временной пузырь. Школа, друзья, интернет – всё это отодвинулось на второй план, стало плоским и незначительным фоном. Мир сузился до четырёх стен комнаты, заваленной распечатками и старыми письмами.

Максим ловил себя на том, что неожиданно замирает, вслушиваясь в тишину, пытаясь уловить отголоски далёкого гула или почувствовать знакомый холодок страха.

Яркие видения сменились чем-то более тонким, более пронзительным и куда более страшным. Это были не образы, а ощущения. Внезапные, острые, как удар током, вспышки чужой памяти, которые врываются в его сознание без спроса и предупреждения.

Как-то на уроке физики Максима вдруг накрыло волной абсолютно иррационального, животного страха. Не страха перед контрольной. Другого. Холодного, тошнотворного, сжимающего желудок в тугой узел. Страх, который исходил из каждой поры, заставляя сердце бешено колотиться, а ладони – леденеть. Он поймал на себе удивлённые взгляды одноклассников и понял, что почти не дышит, сцепившись пальцами в край стола. Это был страх молодого бойца, впервые летящего на Ил–2 навстречу зенитному огню. Страх прадеда.

В другой раз, когда он наливал себе сок на кухне, по его спине внезапно разлилось тёплое чувство радости. Не от отличной оценки или нового уровня, пройденного в игре. А простой, безмерной, почти детской радости. Он физически ощутил, как в руках шуршит треугольник солдатского письма, пахнущий домом, как глаза с жадностью выхватывают каждое слово, каждую чёрточку, как сжимается горло от нежности при виде знакомого почерка. Это была его радость. Радость от весточки из дома, от того, что его помнят, ждут, любят.

Но самым сильным оказалось другое видение.

Он разбирал пачку писем, пытаясь систематизировать их по датам, и наткнулся на одно, где почерк был более размашистым, менее аккуратным, с кляксами и помарками. Прадед явно писал его уставшим или взволнованным.

«...а этот рыжий чёрт, Серёга, опять какую-то ахинею выдумал...»

Максим пробежал глазами по тексту. Андрей с юмором описывал, как его друг, некто Сергей, умудрился проспять вылет, потом что-то натворил с самолётом, и им обоим пришлось отдуваться нарядами.

Максим улыбнулся. Рыжий чёрт. Характерно.

И в этот миг его пронзило.

Это было не видение. Это было чувство. Глубокой, мужской, безграничной дружбы. Той, что рождается не в мирной жизни, не во время застолья, а в окопах, в кабине самолёта, когда от товарища зависит твоя жизнь. Максим ощутил его физически – крепкое братское похлопывание по плечу, хриплый смех сквозь грохот моторов, чувство полного доверия и уверенности, что за твоей спиной свой человек. Серёга. Не просто имя в письме. А часть его самого, его брат.

Максим откинулся на спинку стула, пытаясь перевести дух. Голова кружилась. Это было невыносимо ярко. Он закрыл глаза, и в его сознании всплыло нечёткое, смазанное изображение: два парня в лётных куртках, прислонившиеся к крылу самолёта. Один – его прадед, улыбающийся, с ясными глазами. Второй – рыжеволосый, веснушчатый, с хулиганской усмешкой и добрыми, чуть раскосыми глазами. Они о чём-то спорили, жестикулировали, и между ними пробегали искры абсолютного понимания и взаимной преданности.

Сергей. Теперь у друга было имя.

Однако самым страшным испытанием становилась ночь. Максим боялся закрыть глаза. Как только веки смыкались и сознание начинало уплывать, его накрывало с головой. Не сон, а вязкий, душный кошмар. Он снова чувствовал пробирающий до костей холод земли под собой, вгрызавшийся в спину сквозь тонкое шинельное сукно. В ноздри впивался едкий, сладковатый запах гари и чего-то горького – то ли пороха, то ли страха. Перед ним проплывало молодое лицо с открытой улыбкой и смешливыми глазами, звучало чьё-то громкое «Держись, браток!»

Он просыпался от собственного беззвучного крика, весь в холодном поту. Сердце кололось где-то в горле, выстукивая сумасшедший ритм, а в висках стучала тупая назойливая боль. Он лежал неподвижно, уставившись в потолок, который в предрассветной тьме казался бесконечным, давящим сводом склепа.

«Найди меня... Координаты... Вернись»

Эти слова звенели в его ушах настойчивее любого реального звука. Они врезались в память раскалённым штыком. Мысленно, в том самом видении, он пообещал. Но что это за обещание? Где искать человека, исчезнувшего больше семидесяти пяти лет назад? Какие существуют инструкции по розыску призраков?

Отчаявшись, он часами сидел перед экраном ноутбука. Запросы «пропал без вести Игнатов Андрей Николаевич 1943» выплёвывали тысячи безликих ссылок. Он блуждал в цифровых лабиринтах электронных мемориалов, тонул в бесконечных списках на форумах поисковиков, сплошь состоящих из таких же потерянных, как он. Это было похоже на попытку найти единственный цветок на бескрайнем лугу, не зная, как он выглядит и пахнет.

Больше он не мог вынести этого в одиночку.

Глава 7

Союзник

После очередной бессонной ночи Максим чувствовал себя разбитым и потерянным. Ему нужно было поговорить. С кем-то, кто не спросит с раздражением «какой ещё прадед», не посмотрит, как на сумасшедшего, и не отмахнётся. Кто поймёт.

Мысль пришла к нему неожиданно. Она была такой же ясной и неоспоримой, как голос в том кошмаре.

Аня Соколова. Невысокая, с густыми тёмно-русыми волосами, обычно собранными в хвост или заплетёнными в тугую косу, которая лежала тяжёлым жгутом на спине. В её глазах всегда горел острый, живой интерес, когда речь заходила о чём-то, что её увлекало. Она не была «ботаном». Скорее она выглядела, как неумолимый исследователь. И сейчас Максим почему-то особенно ясно представил, как эти глаза загорятся при виде шкатулки. И он также был уверен, что она не будет насмехаться над его видениями.

Её слова на уроке, которые тогда казались ему пустым пафосом, теперь обрели зловещий, пророческий смысл: «История – это не про даты в учебнике. Она про людей. Если мы их забудем, они умрут во второй раз». Его прадед не просто умер. Он требовал, чтобы его нашли.

А вдруг после спора на уроке Аня не захочет с ним разговаривать? Но выбора не было. Он заперся в комнате, но не включил, как обычно, компьютер или колонку. Пальцы сами набирали в мессенджере: «Извини», «Давай поговорим», «Я был неправ» – но стирали одно сообщение за другим. Слишком ясно представлялось, как сообщение уходит в пустоту, оставляя холодное «доставлено», или хуже того – его номер окажется заблокированным.

Мысль пойти к Ане домой казалась единственным выходом. Там она хотя бы не сможет просто удалить его из чата. Но тут же в голове всплывала картина: захлопнутая дверь, её взгляд сквозь щель, полный такого презрения, что земля уходит из-под ног.

К четырём часам внутренний маятник качнулся. Он резко поднялся с кровати, натянул первую попавшуюся куртку, закинул на плечо рюкзак и вышел, глядя под ноги, будто шёл не по своим делам, а в кабинет директора на проработку.

Перед её дверью с потёртым ковриком у порога Максим замер.

Теперь нужно было сделать самое сложное – поднять руку и позвонить.

Он вытер о джинсы вспотевшие ладони, постоял минуту на пороге, глубоко вдохнул и нажал кнопку звонка. Где-то внутри квартиры глухо прозвенело.

Сердце колотилось. Он уже готов был развернуться и сбежать, когда услышал за дверью шаги. Щелчок замка. Дверь приоткрылась.

В щели показалось покрасневшее лицо Ани. Волосы были собраны в небрежный пучок, несколько прядок выбились и прилипли к влажному лбу. Она взглянула на него, и её глаза округлились от удивления.

– Игнатов? – её голос звучал хрипло. – Ты чего?

– Мне... надо поговорить, – выдавил из себя Максим, чувствуя, как горит лицо. – Это важно.

Его тон, должно быть, выдавал волнение, потому что её настороженное выражение сменилось лёгким любопытством. Она молча провела тыльной стороной ладони по лбу и распахнула дверь.

– Заходи, – она отступила, пропуская его в небольшую прихожую. – Я тут убираюсь...

Максим замер на пороге, снимая кроссовки. Его взгляд упал на полку для обуви. Рядом с аккуратными женскими ботинками стояли тяжёлые берцы. На пятке чуть выше каблука прилип кусочек засохшей глины. Ботинки поисковика.

Он прошёл за нею в комнату. Это был не его хаос. Здесь царил строгий, почти музейный порядок. Книги на полках стояли ровными рядами: не художественные, а исторические, технические справочники, мемуары. На стене висела подробная карта области, усеянная разноцветными флажками и пометками. На письменном столе, рядом с современным ноутбуком, лежали странные предметы: то ли старый компас, то ли часть от какого-то прибора, аккуратно разобранный на детали. Не было никаких постеров с группами, только чёрно-белая фотография серьёзных молодых ребят в военной форме у самолёта.

– Ну? – Аня обернулась к нему, скрестив руки на груди. Её взгляд был острым, изучающим. – Говори. Ты за урок извиняться пришел? Не надо. Я уже привыкла.

– Нет. Не за это. Хотя и за это тоже. Я... – Максим замялся, чувствуя себя идиотом. Как это сказать? «Мне приснился мой прадед, и он хочет, чтобы я его нашёл». Он потянул за шнурок рюкзака и достал оттуда шкатулку. Он замотал её в толстый свитер, словно перевозил контрабанду. – Я нашёл кое-что.

Он поставил шкатулку на её письменный стол, рядом с тем самым странным прибором. Дерево смотрелось здесь, в этом храме истории, как родное.

Аня подняла бровь.

– Антиквариат? Будешь продавать? Я не эксперт.

– Просто посмотри, – тихо попросил он.

Он открыл крышку. Запах времени снова заполнил пространство, на этот раз впитываясь в книги и карты, словно возвращаясь домой.

Аня наклонилась, и её насмешливость мгновенно испарилась. Девушка замерла, её глаза расширились, а губы приоткрылись от изумления. Она не стала хватать вещи, а лишь осторожно провела пальцем по краю верхнего письма, словно боясь повредить.

– Ого... – выдохнула она. – Максим, что это? Откуда?

– С чердака, – глухо ответил он. – Моего прадеда. Он... Пропал без вести.

Аня медленно подняла на него взгляд. В её глазах не было ни капли насмешки. Только чистое, неподдельное благоговение. И что-то ещё. Глубокая заинтересованность.

– Пропал без вести? – повторила она и на секунду отвела взгляд на свою карту с флажками. Максиму показалось, что её глаза блеснули влагой. – И это... его письма? Фотография?

Он глубоко вздохнул и решился. Ему нужно было рассказать всё. Иначе она не поймет.

– Аня, я... Когда я нашёл это... Я стал видеть прадеда во сне. Он просит его найти. И... Я обещал, но... Я не знаю, что делать, – в голосе Максима впервые прозвучала беспомощность, которую он тщательно скрывал ото всех.

Тогда Аня сделала то, чего он никак не ожидал. Она взяла его за руку. Её пальцы были прохладными и твёрдыми, с шершавыми подушечками.

– Садись, – её голос стал тихим и серьёзным. – И расскажи мне всё. С самого начала. Не упускай ни одной детали.

Она пододвинула ему стул, а сама села на кровать, поджав под себя ноги. И Максим начал рассказывать. О чердаке. О пыли. О первом видении с гулом мотора. О письме, пахнущем яблочным пирогом и тоской. И о сне. О том страшном, леденящем душу сне с развороченной землей, оглушительными взрывами и тихим, отчётливым шёпотом: «Найди меня».

Он говорил, срываясь, путаясь, но Аня слушала, не перебивая. Её взгляд был серьёзным и внимательным.

– ...и я чувствую этот страх. Буквально кожей. Как будто это происходит со мной, – выдохнул Максим, внимательно глядя на разложенные письма.

Аня молчала, только её пальцы медленно скручивали уголок карты.

– Это... невероятно, – наконец сказала она. Голос звучал не с обычной уверенностью, а приглушённо, почти с завистью. – Мой прадед тоже пропал без вести. Под Ржевом. Мы с отцом ищем его уже... Ты знаешь, я пять лет езжу на вахты, держала в руках десятки смертных

медальонов, читала сотни писем. Я могу восстановить маршрут полка по архивным сводкам. Но я никогда... Никогда не чувствовала их так. Для меня они всё ещё немного... иллюстрации в книге. Очень важные, самые важные. Но всё равно картинки.

Она резко встала, подошла к окну, спиной к нему.

– А ты... ты можешь просто взять и почувствовать. Это как суперсила. Или проклятие. Не знаю. Иногда я ненавижу эту свою «правильность». Я всё делаю по инструкции: архив, карта, логика. А ты нашёл шкатулку, достал письмо и всё... ожило. Это несправедливо, – она обернулась, в её глазах, обычно таких ясных, плескалась непрошенная детская обида. – Ты понял, что тебе выпал шанс? Не у каждого есть такая возможность – настоящая, осязаемая ниточка. У большинства только архивные справки с сухими словами «пропал без вести». А у тебя есть, – она ткнула пальцем в шкатулку. – Вот он, твой прадед. Его жизнь, его любовь, его страх. Он зовёт тебя. Он доверяет именно тебе. А ты, как радар, настроен принимать его послания. Ты можешь пройти весь его путь. Мы найдём его, Максим. Обещаю.

Разговор с Аней успокоил Максима. Он не сошёл с ума. Он был... проводником. Антенной, настроенной на волну чужой, давно ушедшей жизни.

Глава 8

Счастье, которого не было

Комната Максима была погружена в предрассветные сумерки. Он лежал с открытыми глазами, не в силах уснуть, то и дело поглядывая на шкатулку и перебирая в пальцах холодный металл броши-ландыша. Он ждал, почти боялся, что его накроет очередной волной боли и страха. Но вместо этого его поглотила иная, тёплая и светлая волна.

В ушах зазвенела натянутая как струна тишина. Воздух в его комнате стал сладким, пропахшим цветущей сиренью и свежей краской.

Его больше не было в комнате. Он стоял на солнечной поляне, залитой майским светом. В груди бушевало что-то огромное, тёплое и трепетное, отчего перехватывало дыхание. Это была не его радость. Это был восторг Андрея.

И всё его существо, каждую клетку, распирало от какого-то невыносимого, ликующего счастья. Сердце билось так, будто хотело выпрыгнуть из груди и улететь в это майское небо.

Перед ним стояла Лидя. Солнце играло в её светлых волосах, лицо было озарено загадочной лучистой улыбкой. В её глазах плескалось весёлое, чуть испуганное счастье.

– Закрой глаза, – голос Андрея, звучал низко и взволнованно.

– Опять сюрприз? – она рассмеялась, но послушно зажмурилась, вытянув вперед руки сложенными лодочками.

Он замер, глядя на неё. На её длинные ресницы, тронутые солнцем, на веснушки у переносицы. Потом бережно, как самую большую драгоценность, положил ей на ладони маленькую бархатную коробочку.

– Можно смотреть.

Она открыла глаза, затем коробочку. Внутри, на темном бархате, лежала изящная брошь: фарфоровая веточка ландыша с крошечными серебряными листиками.

– Андрюша! – она ахнула, и глаза её наполнились слезами восторга. – Это так красиво!

– Как ты, – выдохнул он. – Такая же хрупкая и совершенная. Носи её и помни, что ты для меня – самое чистое и прекрасное, что есть на свете.

Дрожащими пальцами она приколотла брошь к платью. Потом подняла на него сияющий взгляд.

– У меня... у меня тоже для тебя сюрприз.

Она взяла его большую, сильную руку и осторожно приложила её к своему ещё плоскому животу.

– Здесь... растёт наш мальчик. Твой сын. Или дочка.

Мир для Андрея в тот миг переродился. Всё вокруг – трава, солнце, воздух, наполнилось новым, ослепительным смыслом. Максим почувствовал, как по его лицу – лицу Андрея – расплывается огромная глупая улыбка. Он смотрел то на её сияющие глаза, то на свою ладонь на её животе, не в силах вымолвить ни слова. Он подхватил её на руки, закружил, смеясь и прижимая к себе.

– Лидуся! Родная моя! Правда?!

– Правда, правда! – засмеялась она, и смех её был самым прекрасным звуком на свете.

– Мальчик будет! – выдохнул он наконец, останавливаясь и прижимая её к себе. – Я вырежу ему деревянную лошадку и буду учить его играть в футбол! И мы построим дом. С большими окнами. Вот на этом самом месте!

– Девочка, – поправила его Лидия, положив ладонь ему на грудь. – И она будет, как ты. С твоими смешливыми глазами.

– И будет сад, – продолжал он, не слушая, захлёбываясь счастьем. – Я посажу яблони. И мы будем вечерами сидеть на крыльце... Все вместе. Я буду мастерить нашему малышу игрушки, а ты... ты будешь петь ему колыбельные.

– А мы будем каждый вечер гулять вот так, под руку, – добавила она, прижимаясь к его плечу.

– И смотреть, как заходит солнце. И я буду рассказывать ему, какая у него красивая мама.

Они стояли, обнявшись, глядя на утопающий в зелени парк. Перед ними была целая жизнь – долгая, счастливая, предсказуемая. Они строили её, кирпичик за кирпичиком, из любви, надежд и абсолютной уверенности в завтрашнем дне. В ней не было места горю, а были только смех ребёнка, запах яблочного пирога и её рука в его руке.

Видение стало таять, как мираж. Солнечный свет померк, запах сирени сменился душным воздухом комнаты.

Максим чувствовал всем нутром это счастье, висящее на волоске. Ожидание, такое яркое и такое хрупкое. И дата, маячившая на горизонте, июнь 1941-го, отбрасывала на этот идиллический миг свою первую, ещё невидимую тень.

В груди невыносимо щемило от прикосновения к чему-то огромному, чистому и беззащитному, от тоски по тому будущему, которое так и не наступило, рассыпавшись в прах всего через несколько недель.

Он смотрел на брошь в своей руке. Старое украшение было символом той самой несостоявшейся жизни. Любви, которая была сильнее страха, сильнее войны, сильнее смерти.

Глава 9

Первая ниточка

После майских праздников школа показалась Максиму особенно тесной и шумной. Он пробирался к своему классу, мысленно репетируя возможные сценарии встречи с Аней. Он открылся ей, как ненормальный, с рассказами о видениях. Вся та душевная нагота, с которой он пришёл к Ане, теперь отзывалась в теле физическим жжением, будто он снял с себя кожу, и теперь каждый взгляд одноклассников касался оголённых нервов. «Она сейчас посмотрит на меня с жалостью, – пронеслось в голове, и желудок сжимался в тугий комок, – или, что хуже, с презрением».

Он замер в дверях, его взгляд сразу же нашёл её за привычной партой. Сердце сделало в груди тяжёлый, гулкий удар, замерло, а потом застучало с удвоенной силой. И в тот же миг Аня подняла глаза, будто ждала его. Ни тени смущения или неловкости. Лишь лёгкий, одобрительный кивок и обнадёживающая улыбка в уголках губ, от которой что-то тёплое и спокойное разлилось по его напряжённой спине.

– Привет, – выдохнул он, и голос прозвучал хрипло от сдерживаемого напряжения.

– Привет, – её голос был ровным и спокойным, как всегда, будто они говорили только вчера. Он действовал, как бальзам. – Я кое-что нашла. После уроков поговорим.

Этот простой деловой тон был лучшим лекарством. Максим просто кивнул и пошёл на своё место, чувствуя, как дрожь в коленях понемногу утихает.

Одноклассники тут же поднимали головы, как стая любопытных галок. Они не могли не заметить эту странную тихую сцену между бывшими «непримиримыми оппонентами». Воздух вокруг них словно загустел от любопытства.

Комаров, проходя мимо, нарочито толкнул Максима плечом, но сделал это уже без прежней уверенности, скорее по привычке.

– О-па, а мы тут, выходит, миримся? – фыркнул он, но его смех прозвучал немного натянуто. – Или это уже не спорт, а научная коллаборация?

Он оглядел Максима с ног до головы, будто впервые увидел. Раньше Игнатов либо взрывался, либо прятал глаза. Сейчас он стоял спокойно, почти не обратил внимания на толчок. Это озадачило Комарова.

Виолетта, нанося блеск на губы, смирив их обоих не просто насмешливым, а холодным, оценивающим взглядом. Раньше она видела в Максиме удобного клоуна для насмешек. Теперь он встал рядом с Соколовой, той, которая вообще не играет в её игры, и от этого кажется неуязвимой. Это раздражало по-новому.

– Ну, конечно, они нашли друг друга, – язвительно прошипела Виолетта, бросив на Аню взгляд, полный яда. – Скоро она его в лес поведёт, а он её в театр.

Раньше такие комментарии вызывали у Максима прилив жара к лицу, и кулаки сами сжимались. Сейчас же он посмотрел на Виолетту и вдруг с поразительной ясностью ощутил, что гнев не приходит. Вместо него в груди возникла лёгкая брезгливость, будто вдохнул несвежий запах. Её яркий макияж и напускное безразличие – всё это казалось дешёвым на фоне настоящей жизни, которая светилась в спокойных глазах Ани.

– Виолетта, ты всё ещё витаешь в облаках собственного величия? – хмыкнул Максим. – Ну, не с тобой же идти в театр. Ты даже не знаешь, где он находится.

Виолетта замерла с открытым флаконом блеска. Её привычная маска надменности на секунду сползла, обнажив недоумение. Он не зашипел, не покраснел. Он просто... констатировал факт.

За спиной раздался взрыв смеха. Комаров, всегда готовый посмеяться над тем, кто проигрывает в словесной перепалке, заржал:

– Она до театра ещё не доросла. Её только в зоопарк пускают.

Но на этот раз его смех был на полтона выше обычного – нервный, почти рефлекторный. Он смеялся уже не над Максимом, а за него, пытаясь заполнить паузу, которую не смогла заполнить сама Виолетта. Смеяться над Виолеттой безопасно, она всегда играет в одну и ту же игру под названием «Не запощено, значит, не существует». А этот Игнатов... с ним было как-то неясно.

– Комаров... Ты... дебил, – выдохнула Виолетта, но удар был нанесён не Комарову. Она поймала себя на том, что впервые за долгое время не знает, что сказать дальше. Её привычное оружие, насмешка, вдруг дало осечку, наткнувшись на эту новую, спокойную реакцию Максима. И это злило её больше всего.

После последнего урока Максим быстро собрал вещи и оказался рядом с партой Ани.

– Идёшь? – спросил он.

– Ага, – ответила она, закидывая на плечо свой неизменный, издававший виды рюкзак.

Они молча вышли из класса, оставив за спиной удивлённые взгляды и перешёптывания, которые кололи спину, как мелкие иголки. В школьном дворе Аня остановилась.

– У тебя дома есть принтер? – спросила она уже совершенно деловым тоном, глядя на него прямо. – Мой сломался.

– Конечно, – кивнул он, чувствуя, как в груди зарождается странное тёплое чувство: смесь благодарности и предвкушения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.